

# Електронна бібліотека видань історичного факультету Харківського університету



**Бабурова Е.** Образ нищего духовенства в городской литературе Западной Европы XII – XIII вв. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць молодих вчених. – Харків, 1997. – С. 7 – 11.

*При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.*

## **Адреса редакційної колегії:**

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,  
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,  
історичний факультет. **E-mail:** [istfac@univer.kharkov.ua](mailto:istfac@univer.kharkov.ua)

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський; А. О. Баскакова

Приклад діяльності 3-ї гімназії у 60-ті роки XIX ст. свідчить про те, що у зазначений період, хоча й продовжували запроваджувати традиційні примусові методи виховання, поступове розуміння механізму виховного процесу змінило орієнтири виховної роботи.

1. Историко-статистическое обозрение. Пятилетие третьей Харьковской гимназии, образовавшейся из бывшего параллельного отделения харьковской губернской гимназии.-Х., 1866.

2. Багалея Д.И., Миллер Д.И. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 год): Историческая монография. - Х., 1912.- Т.2.

3. Антология педагогической мысли России пер. пол. XIX в.- М., 1987.

4. Розанов В.В. Сумерки просвещения.- М., 1990.

5. Історія педагогіки.- К., 1973.

6. Нечепоренко Л.С., Гурова К.Д. Вопросы общей педагогики.- Х., 1991.

7. Лозова В.І., Троцько Г.В. Теоретичні основи виховання і навчання.- Х., 1997.

Бабурова Е.  
(ХГУ)

### *Образ низшего духовенства в городской литературе Западной Европы XII-XIII вв.*

Выделяя образ священника в городской литературе XII-XIII вв. (фаблио, шванки, голиардика) в чем-то дублирующий свидетельства хроник, а в чем-то достаточно гротескный, психологически субъективный, за которым стоит конкретный автор, следует разделить его на две группы: высшее и низшее духовенство. Приходской юре был наиболее "доступен" для простого народа из всей сложной церковной иерархии. Человек принадлежал своему приходу: здесь он получал крещение после рождения, т.е. из существа биологического превращался в существо социально-нравственное, посещал церковь, исповедовался, вступал в брак, здесь же он получал и последнее отпущение грехов. Только в пределах прихода допускалось погребение [4, с. 133].

Фигура священника, а особенно кюре, - неотъемлемая часть картины мира фаблю. У вагантов чаще встречается бичевание пороков римской курии, а образ низшего духовенства, напротив, смягчен и его пороки высмеиваются по-доброму, они не так выпячиваются перед читателями. Средневековая литература и фольклор создали комический образ-маску кюре, приверженного чревоугодию, сластолюбивого, корыстного и плутоватого [5, с. 47]. Не только низшее, но и высшее духовенство уличается в приверженности к вину и еде. "Пусть клирики... умеряют вино для себя и себя перед вином", - гласили синодальные статуты; в немецкой пословице говорилось: "И в погребке есть Бог", - сказал монах, спускаясь за вином" [5, с. 52]. Ваганты, говоря о чревоугодии и пьянстве, осуждали не только отдельный грех, но и порочность духовенства в целом: "Пьянствуя, лакомясь сладкими блюдами, стали отцы пресвятые Иудами!" ("Апокалипсис голиарда") [2, с. 456]. Любят полакомиться (чаще всего за чужой счет) и кюре в фаблю. Так, герой фаблю "Поп в ларе из-под сала" и его любовница "съели все, что мужем впрок припасено..." [3, с. 203]. В реальной жизни все эти недостойные поступки карались вплоть до лишения сана [4, с. 158]. Хотя, именно в церкви устраивались приходские пиры, а священники даже варили там пиво.

Широко было распространено мнение и о сластолюбии священников. Церковь считала себя обязанной самым решительным образом вмешиваться как в брачную жизнь мирян, так и половую жизнь лиц духовного звания. В 1075 г. Григорий Великий ввел целибат, однако, клирики "скорее предпочли бы отказаться от духовных должностей чем от своих жен..." [7, с. 165]. Этот протест звучит и в песнях вагантов: "Наш понтифик желает отнять у нас тех, кого сам любил, когда был молод" [6, с. 136]. В "Прении священников о безбрачии" звучат такие аргументы против введения безбрачия: "Грех запреты класть на брак, блуд без брака сея! Коль исполнят сей указ власти не жалея, - не найдешь ни алтаря без прелюбодея!" [1, с. 167]. Интересно, что не все ваганты отстаивали право священников на семью и брак. В данном случае ирония автора преследует стремление "создать большую семью", которая и побуждает батюшку брать жену: "Он желает произвести побольше детей, чтобы компенсировать души, которые он загубил" [6, с. 136]. Возможно, именно введение целибата и дало почву для появления и в реальной жизни, и в литературе образа

сластолюбивого кюре, соблазняющего и девиц, и замужних дам. В фаблю, чтобы добиться взаимности дамы, священники прибегают к самым различным средствам. Это не только деньги или дорогие подарки. В фаблю "О подкрашенном священнике" влюбившийся в молодую даму кюре сначала подсылает к ней сводню, а когда дама отказывает ему, грозит отлучить ее от церкви [9, с. 143]. И часто любовники в фаблю получают по заслугам: их бьют, вываливают в перьях, которые затем поджигают, их топят, травят собаками, обливают помоями, раздевают догола и в таком виде вышвыривают на улицу, часто их попросту убивают. Но самая жестокая кара, бесспорно продиктованная чрезмерным сластолюбием персонажа - это оскотление [9, с. 148]. Ваганты также упоминают этот порок духовенства: "Паства без пастыря бродит во тьме, ибо у пастыря блуд на уме!" ("Апокалипсис голиарда") [2, с. 456].

Кюре в городской литературе редко показывает себя непроходимым глупцом. Чаше случается совсем обратное: самые ловкие плуты оказываются обманутыми находчивым священником. Наиболее показательный пример этого - герой шванков поп Амис. Его похождения преследуют своей целью обогащение, чего Амис, проявив каждый раз известную долю смекалки и знание человеческой психологии, без труда и достигает. Но если хитрость одних священников находила отклик в народе и делала их любимцами толпы, то другие вызвали ненависть своей неслыханной жадностью. В фаблю не встретишь бедных кюре. Но при всей состоятельности, при неизменном изобилии в доме священники в фаблю не только бережливы, но и непомерно жадны. Кюре в фаблю всегда готовы отказать путнику в ночлеге, в куске хлеба, т.е. нарушают основные евангельские заповеди. Хозяин дома в фаблю "О священнике и рыцаре" принимает у себя героя лишь потому, что надеется взять с него двойную плату [9, с. 141]. Образы кюре в поэзии вагантов немногочисленны, авторы рисуют портрет своего героя, если не лестный, то снисходительный. Однако жадные кюре встречаются и в голиардике. Так, в стихотворении "Священник и волк", фигурирует поп, любящий овец, "поскольку после каждой стрижки звенело у него в кубышке". Но попав в переделку, он раскаивается в молитве со словами: "Я имя господа порочил, я людям головы морочил и злее лютых обирал, сирот невинных обирал". после чего "чистый сердцем Богу служит".

Символически в литературе Средневековья проводилась аналогия между

петухом и добрым священником. Этому посвящена песня вагантов "Почему петушок стоит на крыше". Она рисует идеального священника в образе петуха на вершине церкви - бдительного стража и провозвестника света [6, с. 136]: "Петушок предивное божие творенье, доброго пресвитера есть изображение. Души христианские под его покровом, он не даст к ним доступа дьяволовым ковам. Будь, священник, искренним, как петух исправен; неусыпен в бдении, в жизни добронравен" [1, с. 169-171]. Рютбеф, нападая на духовенство вообще, делает различия между богатыми прелатами и сельскими священниками; последних он берет под свою защиту: "Сельский священник добывает себе хлеб с большим трудом и не в состоянии купить себе даже небольшой богослужебной книжки; у прелатов же желудки полны, библии и псалтыри" [8, с. 180].

В целом образ священнослужителя, который складывается на основе городской литературы, малосимпатичен. Казалось бы, в нем воплощены все пороки мира, не оставляя места для служения Богу, для борьбы за души паствы. Обычный, ничем не приметный слуга божий, несуетливо и размеренно живущий и исполняющий свои обязанности, был неинтересен авторам и публике, не вписывался в комический сюжет, противоречил тому сатирическому началу, которое было характерно, практически, для всей литературы Средневековья.

1. Поэзия вагантов. - М., 1975.
2. Поэзия трубадуров. - Поэзия миннезингеров. - Поэзия вагантов. М., 1974.
3. Фаблю. Старофранцузские новеллы. - М., 1971.
4. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. - М., 1981.
5. Даркевич В.П. Народная культура Средневековья. - М., 1992.
6. Добиаш-Рождественская О.А. Коллизии во французском обществе XII-XIII вв. По студенческой сатире этой эпохи // Добиаш-Рождественская О.А.

Культура западноевропейского средневековья. - М., 1987.

7. Иванов К.А. Средневековое папство и его представители. - Пг., 1915.

8. Иванов К.А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. - СПб., 1901.

9. Михайлов А.Д. Старофранцузская городская повесть фавлю и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. - М., 1986.

Безземельный С.А.

( Харьковский государственный педагогический университет )

### *Куртуазный идеал в рыцарской этике Франции XII века.*

В XII в. во Франции начинается расцвет культуры. Вплоть до итальянского Возрождения ее культура не имела себе равных в Западной Европе [3, с. 109]. Немаловажную роль сыграло при этом рыцарство, которое в эту пору, оформившись в сословие, закрепило свою политическую и общественную гегемонию.

Укрепив свое социальное значение, рыцарство создало и свою культуру, в основе которой лежит уникальная этика. В чем же состоит уникальность рыцарской этики? С этой целью обратимся к куртуазному идеалу, который был, пожалуй самым важным ее составляющим элементом.

О куртуазности в рыцарской этике писали в своих исследованиях А.Я. Гуревич [2], Ю.Т.Малинин [5], Х.Хейзинги [10]. В основном же куртуазность изучалась литературоведами, которые исследовали рыцарскую лирику. Среди этих работ особый интерес представляют исследования Р.А. Фридмана [8] и П. Обри [6].

Куртуазный идеал сложился в провансальской лирике южной Франции в конце XI- начале XII вв. С этим периодом связан расцвет рыцарской литературы. Ее основоположниками были первые в Европе поэты, сочинявшие куртуазную лирику на народном языке юга Франции - Прованса. Зарождение поэзии трубадуров связано с необычайным культурным взрывом, сопутствовавшим процветанию независимых южных феодально-аристократических дворов. Исторически и династически они издавна были связаны с соседней арабско-испанской культурой.